

*Пускай звенят колокола,
Забудьте о своих дарах,
Есть трещина во всех вещах —
Так внутрь проходит свет.*

Из «Гимна» Леонарда Коэна

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	9
1. ПОЙДЕШЬ МОИМ ПУТЕМ?	10
2. ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ МГНОВЕННО	30
3. №11187–424	56
4. ОРАНЖЕВЫЙ — ХИТ СЕЗОНА	87
5. ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ	118
6. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ	142
7. ЧАСЫ	169
8. ЧТОБЫ ЭТИ СУЧКИ ВЫКУСИЛИ	185
9. ДОЧКИ-МАТЕРИ	208
10. РЕПЕТИТОР ДЛЯ ВЗ	236
11. РАЛЬФ КРАМДЕН И КОВБОЙ МАЛЬБОРО	260
12. ОБНАЖЕННЫЕ	278
13. ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ — МЕНЯ НЕ СЛОМАТЬ	301
14. ОКТЯБРЬСКИЕ СЮРПРИЗЫ	325

15. ТАК СЕБЕ	346
16. ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ	376
17. ДИЗЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ	397
18. БЫВАЕТ И ХУЖЕ	428
ПОСЛЕСЛОВИЕ	455
БЛАГОДАРНОСТИ	460
ИНТЕРВЬЮ: ПАЙПЕР КЕРМАН	463
ОБ АВТОРЕ	473

ОТ АВТОРА

Эта книга — мои мемуары. Все описанное в ней — результат моего личного опыта. Все имена (а в некоторых случаях и отличительные черты) людей, живших и работавших в тюрьмах, где меня содержали, изменены для сохранения конфиденциальности. Исключения составляют сестра Ардет Платт и Элис Джерард, которые любезно позволили мне использовать их настоящие имена.

ПОЙДЕШЬ МОИМ ПУТЕМ?

Зона выдачи багажа международных рейсов в аэропорту Брюсселя была весьма просторной. Беспрестанно крутилось несколько каруселей. Я переходила от одной к другой, отчаянно пытаюсь найти свой черный чемодан. Он был набит деньгами, полученными от продажи наркотиков, так что я переживала сильнее, чем обычно переживают при потере багажа.

В 1993 году мне было двадцать четыре года, и я, наверное, напоминала очередную дерганую дамочку, только что вернувшуюся из командировки. Я сменила «мартинсы» на красивые черные замшевые

Мой чемодан был набит деньгами, полученными от продажи наркотиков.

лодочки ручной работы. На мне были черные шелковые брюки и бежевый жакет, я казалась настоящей юной леди, без малейшего намека на контркультуру, если, конечно, не обращать внимания на татуировку на

шее. Я сделала все в точности, как мне сказали: зарегистрировала багаж в Чикаго, откуда должна была через Париж добраться до Брюсселя.

Оказавшись в Бельгии, я встала у карусели в ожидании своего черного чемодана на колесиках. Однако его нигде

ОРАНЖЕВЫЙ — ХИТ СЕЗОНА

не было. С трудом справляясь с паникой, я призвала на помощь свой школьный французский и спросила, что случилось с моим багажом.

— Иногда сумки попадают не на тот рейс, — ответил мне здоровяк, работающий в багажном отделении. — Дождитесь следующего рейса из Парижа. Наверное, чемодан прилетит на нем.

А что, если мой чемодан zaseкли? Я знала, что перевозить более десяти тысяч долларов противозаконно, не говоря уже о том, чтобы везти их западноафриканскому наркоторговцу. Что, если власти меня уже ищут? Может, просто пройти через таможню и убежать? Или же чемодан действительно задержался, и в таком случае я брошу в аэропорту огромную сумму денег, принадлежащую человеку, который может убить меня, просто позвонив нужным людям? Я решила, что последнее все же страшнее. И осталась ждать.

Наконец прилетел следующий самолет из Парижа. Я подошла к своему новому «другу», который как раз занимался разгрузкой багажа. Когда боишься, строить глазки нелегко. Я заметила чемодан.

— Мой чемодан! — восторженно воскликнула я и схватила его.

От всей души поблагодарив своего спасителя из багажного отделения, я радостно помахала ему рукой и поспешила к выходу в терминал, где меня уже ждал мой друг Билли. Таможню я случайно пропустила.

— Я уж начал волноваться. Что случилось? — спросил Билли.

ПАЙПЕР КЕРМАН

— Поехали скорее! — прошипела я.

Выдохнула я только тогда, когда мы вырвались из аэропорта и были уже на полпути к Брюсселю.

За год до этого прекрасным весенним днем я получила диплом об окончании колледжа Смит, расположенного в Новой Англии. Двор колледжа был залит солнцем, звучали волынки, а губернатор Техаса Энн Ричардс призывала меня и моих однокурсниц выйти в мир и показать всем, на что мы способны. Все родственники чрезвычайно гордились мной. Мои родители недавно развелись, но вели себя в высшей степени прилично. Мои представительные бабушки и дедушки специально приехали с юга, чтобы своими глазами увидеть, как их старшая внучка в академической шапочке вращается в среде представителей привилегированного класса и выпускников Лиги плюща, а мой младший брат тем временем сходил с ума от скуки. Все мои более организованные и целеустремленные однокурсницы уже определились, куда пойдут учиться дальше, нашли работу в некоммерческих организациях или вернулись домой — это было вполне типично в печальный период кризиса при первом президенте Буше.

Я же осталась в Нортгемптоне, штат Массачусетс. Моей специальностью было театральное искусство, хотя отец и дед относились к моему выбору с изрядной долей скептицизма. Я выросла в семье, где образованию уделялось большое внимание. Мы были настоящим кланом врачей, учителей и адвокатов, поэтому случайно затесавшиеся медсестра, поэт или эксперт довольно сильно выделялись

ОРАНЖЕВЫЙ — ХИТ СЕЗОНА

на общем фоне. Проучившись четыре года, я все еще считала себя дилетантом и полагала, что у меня нет ни нужных навыков, ни мотивации для работы в театре, но у меня не было и альтернативных планов — продолжить образование, построить успешную карьеру или пойти по проторенному пути и поступить на юридический.

Ленивой я не была. В студенческие годы я работала в ресторанах, барах и ночных клубах и не отказывалась брать двойные смены, своим усердием и чувством юмора завоевывая симпатию начальства и коллег. Эти люди были мне ближе по духу, чем большинство тех, с кем я познакомилась в колледже. Я не жалела, что выбрала Смит, поскольку там учились умные и энергичные женщины. Однако поступила туда, так как того требовало мое происхождение. Томясь в стенах Смита, я еле-еле добралась до выпускного, и теперь мне хотелось узнавать новое, экспериментировать, получать собственный опыт. Мне пора было жить своей жизнью.

Я была прекрасно образованной молодой леди из Бостона, обожающей богемную контркультуру и не имеющей никаких четких планов на будущее. Кроме того, я и представить себе не могла, что делать со своей потаенной жадной жаждой приключений и как извлечь пользу из этой готовности рисковать. Во мне не было ни научной, ни аналитической жилки — я больше всего ценила искусство, стремления и чувства. Я сняла квартиру вместе с бывшей однокурсницей, которая также занималась театром, и ее чокнутой подружкой-художницей и устроилась официан-

ПАЙПЕР КЕРМАН

ткой в пивную. Там я подружилась с другими официантами, барменами и музыкантами, которые все до единого были в самом расцвете сил и одевались исключительно в черное. Мы работали, закатывали вечеринки, купались голышом, катались на санках, трахались, иногда даже влюблялись. Мы делали татуировки.

В Нортгемптоне и окружающей его Долине пионеров мне нравилось все. Я без устали бегала по проселочным дорогам, училась подниматься сразу с десятком кружек пива по крутой лестнице, беспрестанно завязывала новые и новые романы с красавчиками и красотками, а летом и осенью брала среди недели выходные и ездила в Провинстаун поваляться на пляже.

С приходом зимы мне стало не по себе. Подруги по колледжу рассказывали о своей работе и жизни в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско, а мне лишь оставалось гадать, какого черта я творю. Я понимала, что в Бостон уже не вернусь. У меня были прекрасные отношения с семьей, но мне совсем не хотелось расхлебывать последствия развода родителей. Оглядываясь назад, я понимаю, что гораздо лучше было бы отправиться путешествовать по Европе или поехать волонтером в Бангладеш, но я осталась в Долине.

В наш свободный социальный круг входила группа невероятно стильных и классных лесбиянок в возрасте уже за тридцать. В присутствии этих искушенных и умудренных опытом женщин я начинала стесняться, хотя обычно это для меня нехарактерно, но когда несколько из них

ОРАНЖЕВЫЙ — ХИТ СЕЗОНА

переехали в квартиру по соседству с моей, мы крепко сдружились. Среди них была и Нора Йенсен, родом со Среднего Запада. Низенькая, со спутанными, песочного цвета кудрями и хриплым голосом, она напоминала французского бульдога или белокожую Эрту Китт¹. В ней все было забавным — то, как она, растягивая слова, сыпала колкостями, как наклоняла голову, чтобы внимательно окинуть тебя взглядом блестящих карих глаз, скрывающихся под лохматой челкой, даже как она держала свою неизменную сигарету, полностью расслабив запястье. Нора играючи могла разговорить любого, а когда обращала на тебя внимание, всегда казалось, что она собирается рассказать шутку, понятную только своим. Нора единственная из этой группы взрослых женщин обратила внимание на меня. Любовью с первого взгляда это не назовешь, но двадцатидвухлетней искательнице приключений в Нортемптоне она казалась весьма загадочной личностью.

А потом, осенью 1992 года, она пропала.

И вернулась после Рождества. Теперь она сняла большую квартиру одна, обставила ее новенькой мебелью в богемном стиле и купила крутую стереосистему. Все остальные мои знакомые сидели на диванах из комиссионки, а она в открытую сорила деньгами.

Мы работали, закатывали вечеринки, купались голышом, катались на санках, трахались, иногда даже влюблялись.

¹ Эрта Мэй Китт (англ. Eartha Mae Kitt) — американская певица и актриса.